

УДК 81

ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ: ЕГО ГРАНИЦЫ И ФОРМЫ РЕЧЕВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ

Л. О. Чернейко^{1, @}

¹ *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
@ avollis@mail.ru*

*Личность – это прежде всего интерпретирующий себя самого текст.
В. В. Налимов. Спонтанность сознания.*

Аннотация: Статья посвящена проблеме двух видов обыденного сознания – метаязыкового и поэтического. Выделенные Р. Якобсоном метаязыковая и поэтическая функции языка рассматриваются с ориентацией на говорящего и на слушающего, что позволяет выделить "метатексты говорящего" ("узкий"=определятельный и "широкий"=оценочный, представленный рефлексивами) и "метатекст слушающего". Особое внимание уделено такому малоизученному речевому факту, как метатекстовые извинения, для которых отсутствуют общепринятые правила. В статье ставится также проблема изучения метатекста (в частности метаоценок) в научной речи.

Ключевые слова: обыденное сознание (метаязыковое и поэтическое), язык индивидуума, функции языка по К. Бюлеру и Р. Якобсону, "метатекст-узкий" и "метатекст-широкий", "метаизвинения", поэтическая функция языка с позиции говорящего и с позиции слушающего, метатекст как "послетекст".

Для цитирования: Чернейко Л. О. Обыденное сознание: его границы и формы речевого воплощения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 194 – 202.

1.1.1. Широта филологических интересов Николая Даниловича Голева и глубина проникновения в специфику изучаемых объектов определили высокую значимость полученных им результатов как для лингвистики (теоретической и прикладной), так и для литературоведения (анализ текстов художественных произведений). В свете когнитивных устремлений современной лингвистики особенно важным представляется практическая реализация в «Словаре обыденных толкований русских слов» той лексикографической концепции исследователя, которая ориентирована на выявление представлений среднестатистического носителя русского языка о семантике слова (в словаре это бионимы), обусловленных определенной степенью знакомства респондентов со стоящими за словами реалиями. В этих представлениях, вербализованных в толкованиях, полученных в ходе «массового эксперимента» с «рядовыми носителями языка» (не биологами), обнаруживается такой тип сознания, которое Н. Д. Голев называет «обыденным метаязыковым» и считает его настолько «крупным самостоятельным объектом лингвистического (и не только) изучения», что предлагает говорить «о

самостоятельной лингвистической дисциплине – разделе лингвистической гносеологии» [8, с. 5].

С такой установкой ученого нельзя не согласиться, поскольку обыденное сознание вообще (а не только метаязыковое как его разновидность) – один из приоритетных предметов лингвистического описания: именно оно выступает и демиургом всех других форм общественного сознания (научного, философского, морального, художественного и др.), и фоном, высвечивающим их специфику. Но и специфика обыденного сознания раскрывается исключительно в сопоставлении с другими формами сознания. Так, когда обыденно-практическое сознание характеризуют как менее структурированное и более поверхностное, то сравнивают его прежде всего с сознанием научно-теоретическим. Такое сравнение ценно для научного познания обыденного сознания, имеющего, по словам Н. Д. Голева, «не только абстрактно-теоретическую значимость, но значимость общественную» [8, с. 13 – 14].

1.1.2. Обращение к речевой «обыденности» (Л. В. Щербы), «обиходности» (А. М. Пешковский) не является приметой современной лингвистической си-

туации. Л. В. Щерба, рассуждая о слове *младенчество* (статья 1940 г.), отмечал, что оно не стало в современной ему речевой действительности пассивным, но «стало менее обыденным, чем оно было, по-видимому, во времена Пушкина; круг употребления его сузился» [27, с. 59]. Такого рода изменения должен фиксировать академический, нормативный словарь, в основе которого, по мнению Л. В. Щербы, «лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [27, с. 55].

Особо следует отметить, что Л. В. Щерба одним из первых ученых (если не первый!) соотнес толковый словарь (а это словарь академического типа по предложенной им лексикографической классификации) с языковым сознанием как культурной реалией социума, его объективной данностью. Он писал, что «хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю» [27, с. 65]. В связи с этим возникают два вопроса: о норме чего идет речь и что считать нормой применительно к такому сложному аспекту слова, как его семантика?

На первый вопрос Л. В. Щерба отвечает следующим образом: «в понятие литературного языка входит не только разговорный язык, но прежде всего соответственный письменный» [27, с. 59], однако ответ на вопрос «Который из них является ведущим?», по его мнению, «не так просто разрешается». И до сих пор проблема соотношения литературного языка и разговорного остается дискуссионной. Что касается позиции Л. В. Щербы по второму вопросу, то она им самим и определена. Выстраивая аргументацию вокруг соотношения термина как единицы хранения специального знания и общелитературного языка, он пишет о необходимости разграничения научных и «обывательских» понятий (на примере словосочетания *прямая линия*) и о том, что в отличие от ботаники, где растения «определяются по установленной системе», «в быту, а следовательно, и в литературном языке» они определяются совершенно иначе» [27, с. 68].

1.2.1. В отзыве на докторскую диссертацию «Абстрактное имя в семантическом и прагматическом аспектах» (1997 г.) мой оппонент Ю. Н. Караулов отметил как положительную черту методологической базы работы то, что исследование проведено «под знаком обоснования приоритета обыденного сознания» (с. 5 Отзыва), хотя предмет моего исследования – субстантивы, за которыми стоят сущности невидимого мира, своего рода артефакты. И сам термин «сознание» не что иное, как абстрактное имя существительное, под которым философия понимает «состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях» [16, с. 589].

Общая психология видит в сознании «высший уровень психического отражения действительности <...> непрерывно меняющуюся совокупность чувственных и умственных образов, непосредственно предстающих перед субъектом в его “внутреннем опыте”» [12, с. 327], и в таком понимании пересекается с частными психологиями, например с психоанализом, фокусирующимся в определении сознания на «качестве акту-

альности, характеризующем наличные восприятия (внешние и внутренние) в общей совокупности психических явлений» [13, с. 485]. В приведенных определениях общим параметром сознания является “переживаемость” актуальных событий действительности как внешней, так и внутренней, переплавляющая их в индивидуальный опыт, обеспечивающий возможность самоотчета. З. Фрейд, как отмечают авторы «Словаря по психоанализу», напротив, считал «сознание фактом индивидуального опыта, доступным непосредственной интуиции» [13, с. 486], из чего следует, что вопрос о соотношении двух феноменов психики человека – сознания и опыта – и соответствующих им абстрактных понятий «сознание» и «опыт» остается открытым и для философии, и для психологии.

Для лингвистики важно то, что и в филогенезе, и в онтогенезе индивидуальный опыт человека является базовым механизмом в его повседневной и ежеминутной адаптации к окружающему миру, в том числе и адаптации речевой. Для когнитивной лингвистики важно и то, как вербализуются в разных сферах культуры и в разных функциональных стилях представления об этих абстрактных сущностях (о сочетаемости термина *сознание* в: [23]). В концепции Фрейда есть такие характеристики сознания, которые оказываются лингвистически релевантными, а именно параметр “различение”. Фрейд отмечает, что «сознание дает нам то, что мы называем качествами, т. е. разнообразные ощущения различия» [цит. по: 13, с. 486]. Эти «ощущения различия» составляют фундамент повседневного восприятия двух видов действительности – окружающей человека и представляющей собою разные круги его внешнего мира («ближнего» = дом, рабочий коллектив, друзья и «дальнего») и внутренней, составляющей мир его внутренних переживаний и самонаблюдений. Именно по этой причине повседневное восприятие является базой того, что принято называть «обыденным сознанием» и что составляет естественный фундамент всех других возможных проявлений индивидуальной психики во всех сферах человеческой деятельности.

Из сказанного следует, что доступ к сознанию как таковому (а это не что иное, как сознание индивидуума) открывается через а) восприятие (перцепцию) в первую очередь и главным образом внешнего мира, б) восприятие различий и их переживаемость и в) самоотчет в переживаниях, рождающий смыслы, но невозможный вне языка, вне его лексикона, т. е. вне семиотизированной действительности. Как писал В. В. Налимов, «само сознание представляется нам скорее всего как некий механизм – процесс, оперирующий смыслами» [15, с. 224]. Что касается разграничения типов сознания, то этот вопрос лежит, как представляется, в иных плоскостях – целеполагания и способов оречевления (вербализации) полученных эпистемологических результатов. Та же база и у разграничения типов обыденного сознания.

1.2.2. В связи с проблемой обыденного сознания теоретической опорой представляется концепция языка, языкового мышления и индивидуального языка И. А. Бодуэна де Куртенэ. Она раскрывается в следующих положениях: 1. «Реально существует только индивидуальный язык» [3, с. 193], «племенные или

национальные языки <...> являются чистой фикцией, лишенной объективного существования» [3, с. 191]; «язык племенной или национальный как целое, как собрание всего, что ему принадлежит, что к нему относится, существует только в идеале» [2, с. 211]; 2. «Человеческий язык, человеческая речь существуют только в мозгу, только в “душе” человека, а основная жизнь языка заключается в ассоциации представлений в самых различных направлениях» [3, с. 59]. Из этого положения вытекают два следствия: а) параметр “социальное” по значимости в характеристике языка и речи равен параметру “психическое”, однако их неравенство состоит в том, что социальность языка самоочевидна; б) «только ассоциация с внеязыковыми представлениями может придать словам вроде “консерватор”, “социалист”, “атеист” способность вызывать у некоторых людей чувство гнева, отвращения, ненависти» [3, с. 64]; 3. «Реальной величиной является не «язык» в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления» [3, с. 182], и «всё происходящее в языковом мышлении сводится к ассоциациям представлений или идей» [3, с. 177].

Концепция И. А. Бодуэна де Куртенэ имеет большую объяснительную силу для тех интенциональных предметов, которые сделала приоритетными когнитивная лингвистика. Например для объяснения того, почему так различаются лексикографические интерпретации слов и те, что получены в ходе ассоциативных экспериментов, и почему «единство» реального языкового сознания, о котором писал Л. В. Щерба, а также «единство» языковой картины мира социума, говорящего на одном языке, о котором так много пишут современные лингвисты, весьма условные характеристики.

Трудно, однако, согласиться с категоричным утверждением Бодуэна де Куртенэ, что язык нации – «фикция». Конечно, тот язык, который обеспечивает взаимопонимание членов одного культурного сообщества (но в масштабах страны, а не тусовки), – явление, объективно существующее в сознании членов этого сообщества. Однако вопрос о том, каков этот инвариант всех индивидуальных языков, а главное – каков состав инварианта лексикона и какова семантическая структура каждой его единицы, остается открытым, и для его решения требуются усилия многих научных коллективов. Так, лингвисты Ленинградской школы (В. Б. Касевич, А. В. Смирнова, Е. В. Ягунова) эффективно работают над решением такого «коммуникативно важного» вопроса, как перцептивный словарь (база восприятия речи) взрослых и детей с ориентацией и на грамматику, и на смысл. И подступом к решению этой наиважнейшей проблемы является изучение индивидуальных языков во всех аспектах, позволяющих больше узнать об обыденном сознании, границы которого устанавливаются безграничностью языка повседневности, если только не сводить темы повседневного общения к таким «потребительским» вопросам, как, например, *Где купить?*, *Сколько стоит?* и *Как пройти?*.

2.1.1. Три базовые функции языка, выделенные К. Булером в работе 1918 г. и получившие позднее окончательные названия «экспрессия», «апелляция» и «репрезентация» [4, с. 34], Р. Якобсон и пересмотрел, и

удвоил, завещав лингвистам исследовать язык «во всем разнообразии его функций» [28, с. 197]. Функции языка моделируются им на основании обобщения фактов речи. Метаязыковая функция, какой видел ее Р. Якобсон, проявляется тогда, когда «говорящему и слушающему необходимо проверить, пользуются ли они одним и тем же кодом» [28, с. 224]. Сверка кода, сверка связи означающего и означаемого (а в высказывании – референта), играя «важную роль в нашем повседневном языке» [28, с. 201], выявляет уровень языковой компетенции участников коммуникации, когда, например, в разговоре участвуют либо ребенок, либо инофон, либо представитель другой субкультуры.

Известная и широко цитируемая статья А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» [5] задала возможность расширенного понимания метаязыковой функции, проявление которой исследователи стали усматривать в любой направленности сознания говорящего на актуализированное слово. Можно констатировать, что в интерпретации метаязыковой рефлексии сложились по крайней мере два подхода, основанные на разном понимании термина «метатекст»: подход узкий («якобсоновский», определительный,) и подход широкий («рефлексивный»).

2.1.2. Узкий подход к пониманию термина «метатекст» представлен во всех экспериментально полученных толкованиях, в частности в тех, что нашли отражение в «Словаре обыденных толкований русских слов» под редакцией Н. Д. Голева. Но такие толкования могут быть и текстовыми («текстовые дефиниции»), причем это касается не только заимствований, в частности англоязычных, наводнивших периферию современного русского лексикона (особенно сферу специальной лексики), определение которых в текстах СМИ, рассчитанных на рядового читателя, выполняет объяснительную, «просветительскую» функцию, например, кинематографический термин *саспенс*. (*В кинематографе и литературе существует понятие «саспенс». Это нагнетаемая тревога, которая держит читателя в напряжении, подогревая желание узнать, что же дальше – ЛГ № 28, 2013*), но и значимых для культуры абстрактных слов, имеющих «валентность на интерпретацию» [21; 23], таких как *свобода*, *счастье* или *интеллигенция*: *Свобода – это когда ты не делаешь того, что тебе поперек души. Этого уже вполне достаточно (РР № 33, 2010); Это мое собственное определение интеллигенции – как ордена, в который нельзя вступить, но можно из него выпасть (И 10.10.2005); Счастье – это когда тебя понимают (к/ф «Доживем до понедельника»); Счастье – это когда все внутри замирает, и время замирает, и кажется, вот она, настоящая жизнь (Д № 7 – 8, 2002); Счастье – это когда? (О № 5, 2016); На самом деле рутинна – это счастье (О № 49, 2014).*

2.2.1. Что касается широкого понимания термина «метатекст», то оно достаточно полно представлено во многих лингвистических работах, обобщенных И. Т. Вепревой [6], и, как уже было сказано, охватывает все аспекты проявления отношения говорящего как к чужой речи («рефлексивы» – термин И. Т. Вепревой), так и к своей (саморефлексивы). Как известно, средствами выражения оценки речи, характера и способа выражения мысли являются хорошо изученные вводные

слова и конструкции, например: *иначе говоря, коротко говоря, словом, другими словами, проще говоря, если можно так выразиться* и т. д., являющиеся метатекстовыми операторами (маркёрами номинации).

Существенное отличие рефлексивов от вводных слов и конструкций состоит в многообразии тех субъективных смыслов, которые они выражают. Важно и то, что метаоценки, представленные знаменательными словами и конструкциями, в частности именами прилагательными, могут быть направлены и на означаемое, и на означаемое знака. Классификация метаоценок именно по этому основанию, а также по их более узкой направленности на содержание знака и/или на его функцию впервые была предложена в статье «Оценка в знаке и знак в оценке» [24], где метаоценки по вводимым ими смыслам разделяются на эмоциональные, эстетические, этические, рациональные, лингвистические.

Изучение метаоценок на большом речевом материале, извлеченных из СМИ и обыденных разговоров, позволило выявить такое требование обыденного сознания к номинациям, которое превратилось в своего рода лозунг «Называть вещи своими именами», являющийся едва ли не приметой той переломной эпохи (90-е годы), хотя корнями он уходит в далекое прошлое. В качестве материала исследования в статье представлены и такие языковые факты, в которых проявляется обыденное сознание, даже если источником этих фактов является художественный текст, например: *Пробуждение Козыря совпало со словом Диспозиция. Первоначально ему показалось, что он увидел его в очень теплом сне и даже хотел отстранить рукой как холодное слово* (М. Булгаков. Белая гвардия). В нарративе описано определенное состояние сознания персонажа, оценивающего восприятие слова, т. е. метаязыковое обыденное сознание.

Еще одной особенностью этой давней работы является сопоставление метаоценок, присущих обыденному сознанию носителя русского языка (например *деревня с угрюмым названием Мурыжуха, холодное слово «бизнес»*), с перцептивными параметрами звуков русского языка, выявленными в результате экспериментального изучения их восприятия [10], которое показало высокую степень их корреляции.

2.2.2. Для современной русской речи характерны «метаизвинения» [20], представляющие собою особую сферу лингвистики извинений. Они не связаны с предписаниями, с конвенцией, не связаны и с общей для всех нормой, поскольку ее нет, так как не существует общепринятых правил для всех сфер культуры, которые бы регулировали употребление метаязыковых извинений. Изучение «извинительных» речевых актов во всем разнообразии коммуникативных ситуаций является условием для типологического описания по причинам их возникновения, по «мотивам» метаизвинений.

Обширный материал для изучения метаизвинений дает речь публичная, где извиняются за «пафос» (таких например слов, как *предательство, нация победителей*), за «высокий слог» (*сопричастность*), за «простоту выражения» (идиома *нести пургу*), за специальные термины и профессионализмы: *И многие читатели были заточены, извините меня за это слово, не на интеллектуальную литературу* (ТВ 17.09.12); *Если мы,*

извините меня за моветон, просто вступую будем выкачивать деньги из бюджета, тогда ничего не получится (ТВ 29.03.13); *Они могут сделать из него, простите за психотерапевтическое выражение, овощ* (ТВ 18.04.2011), а также за некорректность словоупотребления, причина которой кроется в нестыковке стилистических регистров: *У нас в Москве множество названий, которые выполняют, уж простите, примерно ту же функцию, что и соя в докторской колбасе* (ЛГ № 27, 2012).

При этом само извинение может выражаться и имплицитно, облекаясь например в форму оправдания выбора слова: *Этот класс (речь об интеллигенции – Л. Ч.), эта прослойка – приходится употреблять этот термин, поскольку других нет...; Простите, нет другого термина, будем называть их «новой интеллигенцией», «креативным классом»* (ТВ 04.06.12); *Сейчас, в эпоху тотального пиара – употребляю не без брезгливости это слово...* (ТВ Март 2011). Особую роль играет устойчивый оборот *если хотите* (*Они видели стрелку, то место, где каменный город врезается в Неву, они видели всю мощь этого города, его величие и могущество, если хотите.* – РМ Июнь 2011), представляющий собой форму имплицитного извинения.

Но метаизвинения могут выполнять не только собственно «извинительную» функцию, которая связана с ответственностью говорящего, являющейся причиной коммуникативного акта и его условием, но и использоваться как прием «ложной значительности»: *Искусство, извините за высокое слово, сближает, тогда как религия разъединяет* (ТВ 26.05.12), а также вводить иронию и даже сарказм, которые связаны с отстранением говорящего от навязываемых социумом стандартов именования: *Сфера деятельности у них тоже определенная: искусство, гуманитарные науки, и массовая, извините за выражение, информация* (Изв 27.06.2014); *Класс, который сам себе присвоил высокое звание «креативный». На этой почве сформировалось мощное мафиозное, то есть, простите, «экспертное сообщество»* (Изв 27.06.2014). Метаизвинения, для которых нет ни логических, ни этических оснований, уже не являются таковыми в строгом смысле термина, они вводят оценку (неприятие) говорящим того явления, за именование которого он извиняется и имя которого он цитирует. В этом случае кавычки выполняют двойную функцию – и цитации, и иронии.

2.2.3. Следует отметить, что метаоценки присущи и научным текстам, которые базируются на обыденном сознании. Научная терминология, составляющая специфику научного знания, не может обойтись без лексики общеизвестной по причине отсутствия в научном языке достаточного количества «научных» глаголов и прилагательных [23]. Кроме того, в научном сознании тесно переплетены рациональные и эмоциональные способы постижения действительности (языковой/речевой в том числе), а ее «переживание» имеет свою форму выражения: *“Безысклочительность”, свойственная всем фонетическим соответствиям и обобщениям, которые пышно именуются “фонетическими законами”* (А. И. Бодуэн де Куртене); *Из этих трех слов (storm, tempest, hurricane – Л.Ч.) storm мы ощущаем как наиболее общее по значению и, несомненно, наименее “пышное” слово* (Э. Сепир) – для

сравнения: *Рассыпалась деревянная церквушка, пышно именуемая храмом* (ЛГ № 28, 1986). Таким образом, выявление метаоценок в научном тексте может и должно стать перспективой лингвистического анализа метаязыкового обыденного сознания в научной речи.

2.3. Среди маркёров номинации, или метатекстовых операторов, есть целая группа глаголов именования, которые по разным идеографическим словарям [14; 18; 17] попадают в разные синоптические пространства не только по причине своей многозначности (1. *называть дату*; 2. *называть Пуговкой, Сашей*; 3. *называть красивым, глупцом*; 4. *называть “конструктивизмом”*), но и по причине лексикографических различий в ее интерпретации. Так, например, в [18] глагол *называть (назвать)* в значениях 3 и 4 не разграничивается и представлен в группе «Глаголы определения» подполя «Глаголы интеллектуальной деятельности» семантического поля «Действие и деятельность»; в [14] значение 4 не представлено, а в словаре [17] под одним значением, помещенным под рубрикой «Глаголы именования», даются сочетания *назвать Аней* и *назвать горшком*, тогда как значение 3 помещено в группу «Глаголы называния, приписывания признака», где представлен и фразеологизм *так называемый* в своих двух значениях – констатации (*так называемый римский нос*) и иронии (*так называемые друзья*). Примечательно, что значения глагола, представленные в контекстах *назвать адрес* и *назвать победителей Олимпиады*, словарь Н. Ю. Шведовой фиксирует как два самостоятельных значения, разведенных по разным семантическим группам.

Можно было бы продолжить увлекательное занятие сопоставления лексикографических интерпретаций семантики и других глаголов, через которые осуществляется в русской речи ввод наименований, однако задача видится иной. В статье О. Ю. Дементьевой [9] представлены и грамматические аспекты проблемы именования, и результаты тщательного и тонкого семантического анализа контекстов употребления глаголов *называть* и *называться*, но автор фокусирует свое внимание на тех предложениях, где субъект-номинатор представлен имплицитно, подробно описывая контексты реализации их «полярных» функций номинации и характеристики, предлагая семантическое обоснование «закавыченности» предложно-падежных форм зависимых субстантивов.

В этой статье отмечается, что в научном стиле речи чаще встречается глагол *называться*, чем *называть*. Объяснение этому факту состоит, как представляется, в семантико-прагматическом различии этих глаголов: в глаголе *называть* (в форме с имплицитным неопределенным субъектом *называют*) присутствует некоторое отстранение от того названия, которое вводится глагольной формой, а текст ожидаемо разворачивается как контраргументация (*Х называют У-ом, тогда как/между тем...*). Поэтому и эта форма не так частотна в научной сфере речи, как форма *называется*, в которой, напротив, выражается солидарность говорящего с общепринятым именованием или, по крайней мере, его нейтральность. Форму *называют* можно считать маркированной по параметру «несолидарность» говорящего с общепринятой точкой зрения, его особую позицию, которая в самой глагольной форме представ-

лена имплицитно, но является потенциально текстопо-рождающей. И это важный содержательный параметр, поскольку именно он направляет выбор и глагольных форм, и кавычек.

Проблеме кавычек посвящено достаточно много работ [11], но открытым, требующим лингвистического анализа остается вопрос о действующем механизме «закавычивания» зависимой словоформы при указанных глаголах, а также в конструкции *так называемый*, поскольку в тождественных семантико-синтаксических условиях в речи одних кавычки присутствуют (ср.: *называть “конструктивизмом”*), а речи других их нет (*то, что принято называть управлением*). Разумеется, этот механизм работает только в письменной речи, но и в речи устной он все чаще приобретает и вербальную (самой словоформой *в кавычках*), и интонационную, и жестовую формы (известный жест – сгибание двух пальцев обеих рук), изучение функций которых может и должен составить специальный лингвистический предмет, непосредственно связанный с метаязыковым обыденным сознанием.

3.1. В. В. Виноградов, анализируя модальные слова, вводящие оценку речи, отметил их следующую особенность: «Говорящий как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками и замечками» [7, с. 577]. По мнению М. Бахтина, «отбор всех языковых средств производится под большим или меньшим влиянием адресата и его предвосхищаемого ответа» [1, с. 280].

Функциональное сходство оценочных определений слов и вводных конструкций, содержащих оценку способа выражения мысли, заключается в том, что те и другие эксплицируют отношение говорящего к тем языковым средствам, которые он использует в речи. Но если модальные слова, комментирующие текст, отражают ориентацию говорящего на собеседника, а в прогнозируемых говорящим ответных реакциях адресата обнаруживается его портрет, то в метаоценках на первый план выходит говорящий со своим видением слова и языка. В фокусе внимания говорящего – само высказывание, а в комментариях к словам отражается взгляд «стихийного, наивного лингвиста», воплощающий его метаязыковое обыденное сознание.

3.2.1. Термин «поэтическая функция» Р. Якобсон определил и узко – как «проекцию принципа эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» [28, с. 204], и широко – как «сосредоточение внимания на сообщении ради него самого» [28, с. 202]. Развернутый комментарий к первому пониманию дан в [19]. Если говорить коротко, то «принцип эквивалентности» может быть применен только к воспринимаемому тексту, из чего следует, что узкое определение поэтической функции ориентировано на читателя (слушателя), тогда как широкое охватывает как кодирующее сознание (говорящего), так и декодирующее (слушающего). Но Р. Якобсон имел в виду отправителя текста, т. е. говорящего. Что же касается функции метатекстовой (как узкой, так и широкой), то она, по сложившейся традиции, ориентирована полностью на говорящего и связана с его сознанием.

Р. Якобсон утверждал, что метаязыковая и поэтическая функции диаметрально противоположны друг другу, поскольку «в метаязыке последовательность используется для построения равенств, тогда как в поэзии равенство используется для построения последовательностей» [28, с. 204]. Эти функции в их якобсоновском понимании действительно не равны друг другу. Различие между узко понимаемой метаязыковой функцией, заключающейся в направленности сознания говорящего на сообщение как на код (на соотношение означающего знака и референта), и широко понимаемой поэтической, состоящей в направленности сознания на само сообщение, проявляется в том, что относительной семантической определенности и абсолютной синтаксической замкнутости первой, которые задаются текстовой дефиницией (*Собака – это...; Свобода – это...*) или остенсивным определением (*Это собака; Это автобус, а не троллейбус*) и находятся «в руках» говорящего, противостоит смысловая незамкнутость второй, порождающая по причине своей неоднозначности множество интерпретаций, прочтений, множество «послетекстов» (в духе понимания Аристотелем термина «мета» = ‘после’), которые принадлежат слушающему и как таковые находятся в его руках.

При этом широко понимаемый «метатекст» как любой комментарий, направленный на слово и выраженный оценочными прилагательными (*холодные, угрюмые названия, скучные, веселые, пугающие слова*), развернутыми оценочными суждениями (*Мне не нравится слово «попса» – из разговора; Я не согласен с термином «народные массы» – ТВ 04.03.2012*) или более сложными аксиологическими суждениями, когда оценивается лексикод (*Он перешел на язык войны – ТВ 4.03.2012*), так же обладает семантически-прагматической определенностью, замкнутостью. Он не создает пространства для интерпретаций, поскольку интерпретация говорящего эксплицирована и ясна для слушающего. И тем не менее во всех подобных случаях, которые по уже сложившейся традиции интерпретируются как широко понимаемый метатекст, проявляет себя и поэтическая функция языка как направленность внимания (resp. сознания) на сообщение «ради него самого». Иными словами, метатекстовая и поэтическая функции языка в их широком понимании не только не противоречат друг другу, не являясь «диаметрально противоположными», но совмещаются по параметру «направленность внимания говорящего на само высказывание». Однако «широкий метатекст» наследует такую черту «метатекста узкого», как «принадлежность сознанию говорящего», определяющую и его эксплицитность, и его замкнутость.

Важно отметить, что метатексты говорящего могут быть ориентированы как на означаемое знака (метатекст узкий, толковательный), так и на знак в целом в единстве его означающего и означаемого (метатекст широкий, оценивающий). Метатексты слушающего всегда имеют отправной точкой означающее, потому что только они представляют собою материю знака, с которой идеальные означаемые связаны ассоциативно.

Для говорящего в «толковательных» метатекстах означаемое знака (слова) – цель, которая реализуется в том, что слову (означающему, на которое получен запрос от собеседника – реального или мыслимого) дает-

ся определение, подыскивается адекватное, с точки зрения говорящего, означаемое. Формулы «метатекстов говорящего»: метатекста «узкого» – «от чужого означающего к экспликации своего означаемого», метатекста «широкого» – «означающее как оценка означающего и означаемого знака, чужого или своего». При широко понимаемой, но ориентированной на слушающего (читателя) поэтической функции, означающее текста реального собеседника (в диалоге – типичной форме проявления обыденного сознания и самой естественной форме коммуникации) может стать единственной причиной («толчком», стимулом) ответной реплики. Формула «метатекста слушающего»: «от чужого означающего к своему означающему». Декодированное сознание слушающего становится сознанием говорящего (кодирующим, текстопорождающим) в ответ на означающее, но при одном сугубо языковом условии: текстопорождающее означающее принадлежит асимметричному знаку [19].

3.2.2. Есть все основания связывать языковую рефлексивность говорящего с необходимостью «преодолевать коммуникативные помехи, создаваемые смысловой неопределенностью» [26] одна из причин которых – асимметрия языкового знака. При этом асимметрия знака может быть как языковой (*Х: Он сказал, что надо делиться. – У: А я не клетка, чтобы делиться*), так и сугубо индивидуальной (*Этот театр построен на статистах (в хорошем смысле) – ТВ 27.09.2010*): толковый словарь С. И. Ожегова фиксирует только одно значение слова *статист*.

В бытовых диалогах и полилогах, а также в диалогах жанра «ток-шоу» на телевидении отправной точкой второй реплики является многозначное слово первой (*горький, доверять, сдавать, разлит*): **1. Х:** Зато ты приобрела ценный опыт. – **У:** Горький опыт. – **Х:** Горький, как истина. – **У:** А опыт он и есть истина; **2. Х:** У котика не хватает сообразовки : он лезет под ноги. – **У:** Почему «не хватает»? Просто он доверяет нам абсолютно. – **З:** Как народ Сталину; **3. Х:** Мне нужно сдать анализ крови. – **У:** А я сегодня плац сдала. – **Х:** А что? – **У:** Не понравился; **4. Х:** И все-таки мне придется их сдавать. – **У:** Анализы? – **Х:** Экзамены; **Х:** Правовой нигилизм разлит у нас во всем обществе, включая элиту. – Ведущий: Так ведь льется-то всегда сверху (НТВ. 27.01.08).

Особого внимания заслуживают достаточно прозаические речевые ситуации обыденной жизни, не имеющие никакого отношения к подготовленным телевизионным перформансам, а отражают спонтанную жизнь языка и в большой степени обыденное сознание народа, но не метаязыковое, а бескорыстное – поэтическое, когда взгляд рядового носителя языка, обращенный к языковому выражению, «зацепившему» его обыденное сознание, рождает свой «метатекст», свою игру с языком, прочно стоящую на ассоциативном фундаменте сознания (**Х:** У вас есть липовый чай? – **У:** Да любой берите, он у них весь липовый).

Заключение. Нельзя не согласиться с утверждением Н. Д. Голева о том, что «поднять лингвистическую культуру – значит поддержать ту внутреннюю тенденцию обыденного метаязыкового сознания, которую выражает стремление носителей языка (пусть отдельных) к преодолению обыденности» [8, с. 13 – 14]. Под-

нять необходимо как лингвистическую культуру (а она связана с обращением внимания носителя языка и на его речевое воплощение, и на его устройство), так и культуру языковую, что требует изменения «среды языкового существования» (термин Б. М. Гаспарова), невозможной без существенных изменений культурной политики государства.

Если говорить о базовых языковых функциях, то следует признать, что узко понимаемая метаязыковая

функция сознания коррелирует с репрезентативной (познавательной, гносеологической), а широко понимаемая метаязыковая, а также поэтическая – с эмотивной (экспрессивной). И если научное сообщество приняло на законных основаниях такой тип сознания, как обыденное метаязыковое, то на тех же основаниях можно принять и сознание обыденное поэтическое.

Сокращения названий источников СМИ: Д – «Домовой», И – «Итоги», Изв – «Известия», ЛГ – «Литературная газета», О – «Огонек», РМ – «Русский мир», РР – «Русский репортер», ТВ – телевидение.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: АН СССР, 1963. Т. 1. 384 с.
3. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: АН СССР, 1963. Т. 2. 391 с.
4. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
5. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М.: Прогресс, 1978. С. 402 – 421.
6. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 380 с.
7. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высш. шк., 1972. 614 с.
8. Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3(4). С. 5 – 17.
9. Дементьева О. Ю. Контексты называния: семантика и лингводидактика // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 47. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 186 – 199.
10. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 160 с.
11. Зализняк А. А. Семантика кавычек // Труды Международного семинара «Диалог'2007» по компьютерной лингвистике и её приложениям. М., 2007. Режим доступа: http://philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (дата обращения: 25.02.16).
12. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431.
13. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высш. шк., 1996. 623 с.
14. Лексическая основа русского языка: комплексный учебный словарь / под ред. В. В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1984. 1168 с.
15. Налимов В. В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989. 287 с.
16. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. 692 с.
17. Русский семантический словарь. РАН. Ин-т рус. яз. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 4. М.: Азбуковник, 2007. 923 с.
18. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
19. Чернейко Л. О. Асимметричный языковой знак в речи: к вопросу о взаимодействии смыслов в разных условиях их реализации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012. № 2. С. 7 – 40.
20. Чернейко Л. О. Культура речи в свете этики ответственности // Труды института Русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 2. М.: РАН Ин-т рус. яз, 2014. С. 245 – 260.
21. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997. 320 с.
22. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. Изд. 2, перераб. М.: УРСС, 2010. 272 с.
23. Чернейко Л. О. Метафизика и поэтика в научном идиолекте // Филологические науки. 2009. № 3. С. 15 – 25.
24. Чернейко Л. О. Оценка в знаке и знак в оценке // Филологические науки. 1990. № 2. С. 72 – 82.
25. Чернейко Л. О., Добровольский Г. В. Естественнонаучная картина мира В. В. Докучаева через призму его языка // Проблемы культурно-природного синтеза: сб. мат. конференции РАН. М.: Изд. Ин-та иняз, 2009. С. 189 – 195.
26. Шейгал Е. И. Рефлексивы в политической коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности / под ред. В. Б. Кашкина. Вып. 3. Воронеж, 2002. С. 133 – 141. Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-57> (дата обращения: 25.02.16).
27. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л.: ЛГУ, 1958. 183 с.
28. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс. С. 193 – 230.

Информация об авторе:

Чернейко Людмила Олеговна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, avollis@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 04.03.2016 г., принята к печати 20.06.2016 г.

ORDINARY CONSCIOUSNESS: ITS BOUNDS AND FORMS OF SPEECH

Cherneyko Ludmila O.^{1,@}

¹ Lomonosov Moscow State University
 @ avollis@mail.ru

Abstract: The paper is devoted to the problem of two types of ordinary consciousness – metalinguistic and poetic. Selected by R. Jakobson, metalinguistic and poetic functions of the language are considered with a focus on speaking and listening that allows you to select “speaker metatexts” (“narrow” = “definitive” and “wide” = “evaluative” presented by reflexives) and “listener metatext”. Special attention is paid to such little-studied speech fact as “meta-apologies”, for which there are no conventional rules. The paper also raises the problem of studying the metatext (particular meta-evaluations) in academic speech.

Keywords: ordinary consciousness (metalinguistic and poetic), an individual language, language functions by K. Bühler and R. Jakobson, metatext-narrow (definition) and metatext-wide (reflexive), meta-apologies, poetic function of language from the speaker’s position and from the listener’s position, metatext as “aftertext”.

For citation: Cherneyko L. O. Ordinary consciousness: its bounds and forms of speech. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 194 – 202.

References

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo, 1979, 424.
2. Boduen de Kurtene I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniiu* [Selected works on General linguistics by Boduen de Kurtene I. A.]. Moscow: AN SSSR, vol. I (1963): 384.
3. Boduen de Kurtene I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniiu* [Selected works on General linguistics by Boduen de Kurtene I. A.]. Moscow: AN SSSR, vol. 2 (1963): 391.
4. Biuler K. *Teoriia iazyka* [Theory of language]. Moscow: Progress, 1993, 528.
5. Vezhbitska A. Metatekst v tekste [Metatext in the text]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow: Progress, Iss. VIII (1978): 402 – 421.
6. Vepreva I. T. *Iazykovaia refleksiiia v postsovetsskuiu epokhu* [Linguistic reflection in the post-Soviet era]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002, 380.
7. Vinogradov V. V. *Russkii iazyk* [Russian language]. Moscow: Vyssh. shk., 1972, 614.
8. Golev N. D. Osobennosti sovremennogo obydennoogo metaiazykovogo soznaniia v zerkale obsuzhdeniia voprosov iazykovogo stroitel'stva [Features of modern everyday metalinguistic consciousness in the mirror of discussion of questions of language construction]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Bulletin of the Tomsk state University. Philology*, no. 3(4) (2008): 5 – 17.
9. Dement'eva O. Iu. Konteksty nazyvaniia: semantika i lingvodidaktika [The Contexts of naming: semantics and linguistics]. *Iazyk. Soznanie. Kommunikatsiia* [Language. Consciousness. Communication]. Moscow: MAKS Press, Iss. 47 (2013): 186 – 199.
10. Zhuravlev A. P. *Foneticheskoe znachenie* [Phonetic value]. Leningrad: LGU, 1974, 160.
11. Zalizniak A. A. Semantika kavychech [Semantics quotes]. *Trudy Mezhdunarodnogo seminar'a «Dialog'2007» po komp'iuternoi lingvistike i ee prilozheniiam* [Proc. Intern. workshop "Dialogue'2007" on computational linguistics and its applications]. Moscow, 2007. Available at: http://philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (accessed 25.02.16).
12. *Kratkii psikhologicheskii slovar'* [Concise dictionary of psychology]. Ed. Petrovsky A. V., Yaroshevsky M. G. Moscow: Politizdat, 1985, 431.
13. Laplanzh Zh., Pontalis Zh.-B. *Slovar' po psikhoanalizu* [Dictionary of psychoanalysis]. Moscow: Vyssh. shk., 1996, 623.
14. *Leksicheskaia osnova russkogo iazyka* [The lexical basis of the Russian language]. Ed. Morkovkin V. V. Moscow: Rus. iaz., 1984, 1168.
15. Nalimov V. V. *Spontannost' soznaniia* [Spontaneity of consciousness]. Moscow: Prometei, 1989, 287.
16. *Novaia filosofskaia entsiklopediia*. [New philosophical encyclopedia]. Moscow: Mysl', vol. 3 (2001): 692.
17. *Russkii semanticheskii slovar'* [Russian semantic dictionary]. Ed. Shvedova N. Iu. Moscow: Azbukovnik, vol. 4 (2007): 923.
18. *Tolkovyi slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description]. Ed. Babenko L. G. Moscow: AST-PRESS, 1999, 704.
19. Cherneiko L. O. Asimmetrichnyi iazykovoi znak v rechi: k voprosu o vzaimodeistvii smyslov v raznykh usloviakh ikh realizatsii [Asymmetric linguistic sign in speech: the question of the interaction of meanings in different conditions of their realization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya – Vestnik of Moscow University. Ser. 9. Philology*, no. 2 (2012): 7 – 40.
20. Cherneiko L. O. Kul'tura rechi v svete etiki otvetstvennosti [Speech in the light of accountability ethics]. *Trudy instituta Russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova – Proceedings of the Institute of Russian language. V. V. Vinogradov*, no. 2 (2014): 245 – 260.

21. Cherneiko L. O. *Lingvo-filosofskii analiz abstraktnogo imeni* [Linguistic and philosophical analysis of the abstract name]. Moscow, 1997, 320.
22. Cherneiko L. O. *Lingvofilosofskii analiz abstraktnogo imeni* [Linguophilosophical analysis abstract name]. 2nd ed. Moscow: URSS, 2010, 272.
23. Cherneiko L. O. *Metafizika i poetika v nauchnom idiolekte* [Metaphysics and poetics in the scientific idiolect]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*, no. 3(2009): 15 – 25.
24. Cherneiko L. O. *Otsenka v znake i znak v otsenke* [Evaluation of the sign and sign in the evaluation of]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*, no. 2 (1990): 72 – 82.
25. Cherneiko L. O., Dobrovol'skii G. V. *Estestvenno-nauchnaia kartina mira V. V. Dokuchaeva cherez prizmu ego iazyka* [Natural-scientific picture of the world by Dokuchaev V. V. in the light of its language]. *Problemy kul'turno-prirodnogo sinteza: Sbornik materialov konferentsii RAN* [Problems of the cultural and natural synthesis: Collection of materials of conference of Russian Academy of Sciences]. Moscow: Izd. In-ta iniaz, 2009, 189 – 195.
26. Sheigal E. I. *Refleksivy v politicheskoi kommunikatsii* [Reflexive in political communication]. *Teoreticheskaia i prikladnaia lingvistika. Aspekty metakommunikativnoi deiatel'nosti* [Theoretical and applied linguistics. Aspects metacommunicative activities]. Ed. Kashkin V. B. Iss. 3 (2002): 133 – 141. Available at: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-57> (accessed 25.02.16).
27. Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po iazykoznaniiu i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics by Shcherba L. V.]. Leningrad: LGU, vol. 1 (1958): 183.
28. Iakobson R. *Strkturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: "for" and "against"]. Moscow: Progress, 193 – 230.

Received 04.03.2016, accepted 20.06.2016.